

ИЗ ЦИКЛА «ДУРАКИ С РЫБАЦКОЙ»

СЕРГЕЙ НУБРИН
Родился в 1991 году
в Пензенской области.
По образованию юрист,
работает следователем.
Публикации в толстых лите-
ратурных журналах («Урал»,

«Волга», «Октябрь», «Сибир-
ские огни»), автор книги
«Между синим и зеленым»
(2019), лауреат междуна-
родной литературной премии
«Радуга», финалист лите-
ратурной премии «Лицей».

Настоящий детектив

Человек я ответственный, а гражданин – по-рядочный.

Любой другой бы сообщил, не задумался.

Вообще-то я еще немного трусливый, хоть мне уже тридцатник. Но страх, он тоже, растет с годами. Как, например, нос или уши или обязатель-ства перед банком.

Тетенька на остановке рассказала, что на Рыбацкой появился маньяк. Она держала за руку ребенка, тот пытался ускользнуть, и я сам думал бежать куда-нибудь подальше. Так-то я понимал, что маньяку до меня нет никакого дела, но все равно немного – того. Мало ли, может быть, это какой-то особенный маньяк, со специфическим, так сказать, уклоном.

Потом в магазине подтвердила очередь, что да – появился, и Тамара Ивановна, главная по подъезду, пояснила за слова. Типа, гастролер и, типа, уж очень опасный, и надо ходить и оборачиваться – мало ли.

Я людям доверяю, особенно простым, поэтому ходил и оборачивался и в каждом прохожем пытался различить. Там и полиция масло в огонь добавила. Так и так, сказала: за поимку особо опасного преступника – триста тысяч рублей. Настоящих русских денег.

Бог велел, а я не возмущался. И, само собой, решил заработать.

Страх бедности – сильнее любого страха.

По субботам я ходил к Николаичу. Иногда Николаич захаживал ко мне. Можно было и чаще, но во вторник я сидел с Валентинычем, а в четверг со Степанычем. В остальные дни я работал, и некогда было пить.

В субботу мы пили водку, а по вторникам и четвергам – пиво. Я принес Николаичу бутылку, Николаич достал рюмки, но я сказал, что больше не пью.

– Хрена се! – не понял Николаич.

Я рассказал про маньяка. Признался, что нужны деньги.

Николаич выпил и снова налил. Посидел, по-молчал и вновь опрокинул.

– Триста? – спросил он.

– Триста! – кивнул.

Мы решили искать маньяка вместе.

В воскресенье пошли на утреннюю службу. Николаич сказал, что любое дело надо начинать с исповеди. Я в церковь не особо часто, а Николаич вообще впервые. Но куда деваться – триста тысяч на дороге не валяются.

Я признался в алчности и трусости. Хотел про пьянство добавить, но пить-то я бросил. Николаич тоже в чем-то признавался. И мне казалось,

что чуть дольше и больше, чем я. Хотел спросить, да не стал. И так понятно, что Николаич грешник. Жизнь у него на троечку.

На работе я взял отпуск за свой счет, а Николаич отпуск никакой не брал, потому что не работал. Весь понедельник мы провели в засаде – в крытом шатре на центральной улице. Решили торжественно обмыть начало, но потом передумали. Взяли кофе с шоколадками и сидели, как два ненормальных, под весенними лучами, высматривая не пойми кого.

– Бог тоже Землю не сразу! – отметил Николаич.

Я удивился, откуда он так много про Бога. И кивнул значительно.

Во вторник мы пошли к Валентинычу. Николаич Валентиныча знать не знал, но когда Валентиныч показал Николаичу полторашку, они сразу подружились.

Валентиныч выпил залпом, закусил полосатиком. Николаич тоже хотел, но поднес стакан и поставил обратно. Стакан пластиковый, и Николаич не железный, но все равно справился. Все великие дела, сказал, лишь на трезвую голову совершаются.

Валентиныч в маньяков не верил, как и в Бога, в принципе. А только пиву доверял и легкому похмелью и говорил, что жизнь без градуса не жизнь.

Я сказал, что триста тысяч.

– На троих по сто, – заметил Николаич.

Я задумался. Валентиныч тоже. Он выпил еще, а полосатика выбросил.

Мы решили искать маньяка вместе.

По средам в городской сквер приезжали фермеры. Они продавали рыбу, овощи и мясо. Мы пошли на ярмарку, потому что надо было куда-то идти.

Валентиныч сказал, что маньяк, скорее всего, худой и высокий. И, наверное, носит очки. Николаич решил, что маньяки ничем не выделяются, и кивнул на какого-то фермера – запросто вообще.

Мы стояли и смотрели на этого фермера. Фермер предлагал нам овощи и рыбу. Я взял говядину, а Николаич – свинину. Валентиныч ничего не взял. Фермер оказался хорошим человеком – сделал скидку. А хорошие люди маньяками быть не могут.

Вечером жарили мясо, говядину и свинину. Валентиныч варил компот из лежалых яблок. Он сказал, что по запаху не свинина, что на глаз – не говядина, а по образу и подобию – самый настоящий человек.

Николаич не решился, Валентиныч не тронулся. Я выбросил, не попробовав. Прямо со сковородой.

В четверг мы пошли к Степанычу.

Степаныч долго не открывал, а потом открыл и не хотел нас пускать, а потом пустил, но при одном условии, что больше ни грамма, что надо заканчивать, что жить так больше нельзя.

Николаич поддержал, и Валентиныч согласился. Они Степаныча никогда раньше не видели, но Степаныч отметил сразу – люди наверняка порядочные, раз бросили пить. Я тоже признался, что завязал, что есть вариант заработать.

Степаныч сказал, что сам уже ищет, что вышел на след и вот-вот получится. Не смогли посчитать, сколько выйдет на четверых. Триста тысяч не так уж много, но больше, чем ничего.

В одиночку выгодно, а с людьми – проще.

Мы решили искать маньяка вместе.

В пятницу приехал цирк. Степаныч сказал, что смотрел кино про клоуна-убийцу.

Билеты кончились. Пытались договориться в кассе, но ответили – нет.

Ходили вокруг шатра, смотрели на воздушные шарик. Валентиныч купил эскимо, а Николаич сахарную вату – каждому по две. Дети кричали, мамочки смотрели в оба. Никто не видел, никто не находил.

Потом Степаныч сказал – пошли, и мы пошли. И увидели клоуна, сидящего на бордюре, курившего, как не в себя. Клоун тоже нас увидел и первым спросил, чего мы хотим.

– Ты клоун? – рискнул Николаич.

Клоун ему не ответил.

– Или ты не клоун? – пошел с козырей Валентиныч.

И клоун снова промолчал.

Степаныч не медлил, шагнул осторожно и легким касанием рук взял да и снял с бедного клоуна большой его клоунский нос. Клоун докурив, а потом сказал:

– Спасибо.

И сам же скинул еще цветастый парик и пошелся по нему с удовольствием.

– Не клоун! – бросил вдогонку Степаныч.

– Не клоун! Не клоун! – крикнули мы.

Стояли, смотрели – не знали, что дальше. Забыли спросить, не маньяк ли. Еще посмотрели, еще подышали. День прошел, и все разошлись.

В субботу я пришел к Николаичу. Он спросил, почему без водки. Я напомнил про великие дела, про трезвую голову, про то, что кончились деньги. Николаич не дослушал, метнулся куда-то и принес прозрачный графин, наполненный до краев.

Вообще-то Римма Ивановна – не какая-нибудь там. Она в библиотеке работает, книжки выдает. А по вечерам в школе – кружок по рисованию. Так-то Римма Ивановна вполне себе Римма, но мы ее – по имени-отчеству. Человек уважаемый, пучок на голове, и тридцать девять с хвостиком.

Пили по очереди. Следили, чтобы каждый и что-бы до конца.

Закуски нет, и жизнь такая.

На последней рюмке Николаич признался, что маньяк – это он.

– А вы не догадались.

Он выпил и повторил:

– Я и есть маньяк.

Я всегда уважал Николаича, поэтому не стал смеяться. Лишь кивнул и произнес: «Да, да».

Тогда Николаич открыл кухонный шкаф и достал стеклянные банки, а из холодильника пластиковые контейнеры достал. Я спросил – ну и что. Николаич ответил – тушенка.

– Из людей.

Мы хотели выпить еще, но водка не резиновая. Даже человек, и тот рано или поздно проходит.

Николаич напомнил про триста тысяч и сказал мне идти в милицию и сдавать его с потрохами. Жизнь одна, и денег мало. Ну, хоть поживешь.

Я пожал его добрую руку и пошел домой.

Ноги ватные, голова шальная.

Меня встретила Тамара Ивановна, главная по подъезду, и спросила, как успехи, не слышно ли ничего про маньяка. Я обманул Тamarу Ивановну, точнее, промолчал. Ходил по комнате, смотрел телевизор, включал-выключал свет.

Вечером я стоял в милиции, писал заявление.

Дежурный читал внимательно, давал другому, перечитывал. Другой что-то спрашивал, я что-то отвечал. Потом пришел третий и сказал, что маньяка уже нашли и уже закрыли и что никакой это не Николаич, а вот кто – служебная тайна, идите с миром, уважаемый гражданин.

Я вернулся к Николаичу. С миром и правдой. Тот спросил:

– Хоть сколько-нибудь дали?

Ответил, что ни рубля.

В воскресенье я пошел в церковь.

Римма Ивановна

Римма Ивановна обратилась ко мне с деликатной просьбой. Жизнь проходит, сказала, а детей до сих пор нет.

– Как ты смотришь на то, чтобы?

Я не мог отказать Римме Ивановне – Римма Ивановна дважды помогла мне с деньгами. И один раз вытащила из милиции.

Предложил понедельник. Или на крайняк четверг.

– Давай в понедельник, – торопилась Римма Ивановна.

Я согласился.

Римму Ивановну можно понять.

Во-первых, я красивый. У нас недавно юбилей организации был, так начальник меня в первый ряд поставил.

Во-вторых, талантливый. Учился на гитаре, и могу, например, «Сектор газа» – две песни. А если уж разойдусь, сам что-нибудь сочиню. Пока, если честно, не расходился.

Ну, и перспективный, конечно. Недавно вот ипотеку взял, и теперь у меня своя «однушка».

В общем, Римма Ивановна – женщина с головой. Мыслит правильно. Любая другая бы точно так же поступила. Но Римма Ивановна – лидер по натуре, она всегда впереди всех. И тут как бы оказалось первой.

Вообще-то Римма Ивановна – не какая-нибудь там. Она в библиотеке работает, книжки выдает. А по вечерам в школе – кружок по рисованию. Так-то Римма Ивановна вполне себе Римма, но мы ее – по имени-отчеству. Человек уважаемый, пучок на голове, и тридцать девять с хвостиком.

Я тоже не пальцем деланный. Только вот детей – ни разу. Не в том смысле, чтобы вообще, а так, чтобы до конца. Ну, то есть процесс-то сам

понятен, да ответственности больше. И результат с продолжением.

Я спросил Игоря Петровича – нашего заместителя, каково ему с тремя детьми. Игорь Петрович ответил, что тяжело только с первым, а потом как по маслу. Следом я пошел к Николаю Саньчу, второму заместителю, и тоже спросил – как ему с одним.

– Не знаю, – сухо ответил Николай Саньч.

Я вспомнил, что второго заместителя выгнала жена, и больше никуда не ходил и никого не спрашивал.

Римма Ивановна сказала, что хотела бы запомнить эту ночь. Не то чтобы ночь-ночь, потому что всю ночь я не готов. Да и выспаться надо – и мне, и Римме Ивановне. Но как-нибудь бы необычно, со вкусом.

Слово Риммы Ивановны – закон.

Я пошел в банкомат и снял с карточки двадцать пять тысяч. Это как бы – на все про все. Так-то – да, у меня еще заначка есть, на самый уж черный день, но мало ли. Вдруг Римма Ивановна опять попросит. А мыслить надо перспективно.

В воскресенье я пошел в парикмахерскую. Там вообще по записи, но мне разрешили – сразу. Я подумал, что Римма Ивановна договорилась, и сидел в кресле, как особенный клиент. Мне даже голову помыли и чем-то на волосы пшикнули. На самом деле, я хотел покороче, чтобы с висков под ноль, и затылок – тоже. Но тут уж как Римма Ивановна решила. Сказали, что стрижка называется – модельная.

Потом я пошел в торговый центр. Можно было не ходить – я человек запасливый. Да все равно решил, что – ладно, куплю себе новые трусы. Сначала выбирал, а потом взял первые попавшиеся. Девушка-консультант объяснила, что это – боксеры. Мне вообще просторные нравятся, домашние. Но эти тоже ничего. Там даже с рисунком каким-то, с якорем вроде бы.

Еще костюм – не знаю, зачем. Уже другая девушка – точнее, сразу две, спрашивали:

– Вам на какой-то особенный случай?

И я говорил, что – да, на очень особенный. И надо постараться.

Они галстук мне всучили, в крапинку. И платок носовой в карман. Еще ботинки предлагали, да я в ботинках не умею. У меня кроссовки на каждый случай. И вообще я как бы спортсмен – по утрам туда-сюда, на пробежку. И в бассейн думаю.

Вечером у подъезда я встретил соседа. Он сидел на лавочке и гладил кота. Вообще-то сосед

выпивал и прятал под котом чекушку, чтоб жена из окошка – ни-ни.

Я сел рядом и признался, что скоро стану отцом. – Угу, – ответил сосед и выпил осторожно.

Я понял, что семейная жизнь – штука молчаливая. Решил купить алкоголь.

В «Пятерочке» продавали российское шампанское и рябину на коньке. Я бы сам-то пиво, конечно, разливное. Да Римма Ивановна – женщина культурная. Пошел в «КБ» и купил какое-то мартины за полторы тысячи рублей. Девушка на кассе сказала, что хороший выбор, дала мне пакет.

По пути взял персики – узбекские, и конфеты – шоколадные.

Всю ночь не спал. Не потому, что волновался или что-нибудь.

Сначала брился, потом брил – везде и долго, мучительно и боже. Потом стирал носки вручную, заливал их шампунем и жидким порошком. Мне казалось, что носки все равно пахнут. Решил, что куплю новые. Купил трусы – носки не забывай.

Дальше – квартиру, от и до, вымывал, вычищал, вылизывал. Сначала вдоль, потом поперек. Даже полы с плитусами и плитку в ванной. Устал быстро, диван еще скрипучий. Да и шторы надо.

Может быть, думал, у Риммы Ивановны лучше. Но у меня все-таки своя квартира, не зря же деньги плачу. Потом проверил остатки, решил, что живем один раз, и позвонил в гостиницу. На люкс не хватило, а на комнату с кроватью и собственным душем – вполне себе.

Настал понедельник, а я не ложился. В девять утра написала Римма Ивановна. Она там что-то посчитала и сказала, что лучше перенести на четверг. Немного расстроился, но ответил – хорошо.

Я не мог отказать Римме Ивановне.

Два дня насмарку и впереди – столько же.

Сначала я съел конфеты. У меня со сладким не очень, но эти зашли. У них там внутри – коньяк, что ли, точно не понял. Коробка на разгон, а дальше – больше. Решил достать мартины. Выпил сначала стакан, потом второй. Мартины зашло не особо – надо было все-таки пиво.

Спустился к подъезду. На лавочке сидел сосед. Уже без кота.

Я протянул ему бутылку, сказал, что мартины. Сосед внимательно изучил этикетку и выпил махом.

Добру не пропадать, а четверг – подумаешь.

Напомнил, что скоро стану отцом.

– Угу, – снова ответил сосед.

От нечего делать пошел в детский мир.

Римма Ивановна
постаралась тоже.
Такую Римму Ивановну
я не знал никогда. Платье
с блестками, декольте
без блессток. Каблуки
на туфлях, губы на лице.
Распустила свой пучок
в живые волосы и духами
забрызгалась от ног
до головы.

– Мальчик или девочка? – спросили меня.

Я ответил, что девочка. Точнее, мальчик.

– Какой возраст? – спросили опять.

Решил, что задают слишком много вопросов и что дети – вообще один сплошной вопрос. Безответный.

Потом позвонил в гостиницу, отменил бронь и забронировал снова. Уже на четверг.

До четверга ходил на работу. Смотрел на первого заместителя и на второго тоже смотрел. Первый сказал мне, что лучше не торопиться. А второй опять ничего не сказал. Я особо не спрашивал.

Модельная стрижка потеряла форму. Я пробовал феном и расческой пробовал. Опять пришлось бриться, и ногти выросли на руках. Тут я вспомнил про носки и купил себе две пары у добрых вьетнамцев.

Наконец наступил четверг.

Римма Ивановна не написала и не позвонила. Я прислал ей адрес, надел костюм. Не смог завязать галстук, но расстегнул верхнюю пуговицу. Затянул кроссовки, спрятал шнуры.

Приехал первым – так сказать, заранее. С номером не ошибся: кровать широкая, картина с морем. И душ ничего такой. Жалко вот, ванна не предусмотрена.

Опять купил мартини и конфеты с тем же коньяком. Хорошо, персики не стал – за два дня созрели.

Лег на кровать – звездой растянулся. Одному хорошо, но Римма Ивановна просила.

В дверь постучались. Я подорвался и открыл.

Пришла уборка – ответил, что никакая уборка не нужна. Снова закрылся и снова лег, и лежал и ждал, и не мог дожждаться.

Потом опять постучали, я открыл, но никого не увидел. И уже не ложился, а лишь ходил и топтался, и места не мог найти.

Раскрыл конфеты, мартини разлил. И персик тоже попробовал.

Постучались в третий. Уже неторопливо я пошел открывать. Опустил ручку, увидел Римму Ивановну.

Римма Ивановна постаралась тоже. Такую Римму Ивановну я не знал никогда. Платье с блестками, декольте без блессток. Каблуки на туфлях, губы на лице. Распустила свой пучок в живые волосы и духами забрызгалась от ног до головы.

Я предложил мартини, но Римма Ивановна сказала, что не пьет.

Она втащила в номер дорожную сумку и поставила в угол.

Тогда я сказал, что можно конфеты, но Римма Ивановна призналась, что худеет. Указал на персики, и тут никак.

Мы сидели на кровати, а надо было бы лежать. Вообще-то я не из пугливых, но Римму Ивановну немного того. Сложила на коленях руки и ждала. Я решил действовать и сел поближе, а потом еще ближе, и потом.

– Достань там из сумки, – сказала она тихо, но требовательно.

Я вытащил на свет тяжелый музыкальный центр с колонками. Римма Ивановна кивнула – не стал ничего.

Мы сидели и слушали музыку. Римма Ивановна – человек образованный, ей надо.

Сказала, что в каком-то африканском племени женщина покидает хижину и скитается в одиночестве, пока не услышит мелодию и не разучит ее. Эта мелодия, сказала Римма Ивановна, и есть рождение.

Я закивал, будто понял, о чем она. Каждому свое, но результат один.

Обнял за талию, Римма Ивановна не возражала.

– С этой музыкой, – говорила, – рождается ребенок. С этой музыкой он живет.

Потом сказала про смерть. И опять про музыку. Я гладил ее крепкие бедра и шептал, что мы тут не за этим.

– Если мальчик, – обозначил, – будет Анатолий.
Если девочка, – решил, – то будет как-нибудь.

Римма Ивановна улыбнулась. Я легонько расстегнул ей замок, у себя тоже расстегнул – полностью. Музыка перестала, зато Римма Ивановна начала.

Она пела и пела, точнее, издавала бессловесный звук. Я тоже пробовал – у меня к этому талант. Но Римма Ивановна предупредила, что рождение – женское дело, а мне тут как бы лишь.

Я снял штаны, трусы не торопился. Хотел, чтобы Римма Ивановна увидела мои боксеры и якорь здоровенный на них. Но Римма Ивановна смотрела перед собой, а меня – такого – не замечала.

С чего-то придумал себе повышение. Наплел про двойную зарплату и платье все ниже и ниже спустил. Квартира нужна – двухкомнатная, и по ноге раз-раз. А лучше вообще уехать – ну, как вам, Римма Ивановна?

Римма Ивановна сидела без платья. Такую Римму Ивановну я не видел никогда.

Слава богу, она закончила петь и, слава богу, посмотрела на меня. Кажется, она заметила уже приподнятый якорь. Я дальше решил показать, но Римма Ивановна опередила.

– Нет, – сказала Римма Ивановна, – будет девочка.

Я легонько толкнул Римму Ивановну, чтобы легла она уже на эту широченную кровать. Но Римма Ивановна не поддалась и продолжила, что никуда не нужно ни уезжать, ни двигаться; что сама она справится, что ребенка вырастит сама.

И вот уже Римма Ивановна толкнула меня, да так уверенно и ладно, что не посмеешь больше. Я лежал и думал, а Римма Ивановна больше не думала и все пыталась удивить. Рассказать бы как – язык не повернется, не то что у Риммы Ивановны.

Я сказал, что скоро вернусь, что буквально на три минуты, что, пожалуйста, Римма Ивановна, что туда и сюда.

Я надел штаны и пиджак накиннул, и кроссовки на босу ногу, и шнурки – как пришлось. Я бежал и бежал, и не знал, что теперь. И ветер за мной как будто бы гнался.

На лавочке у подъезда сидел сосед. Он гладил кота.

Попросил у него чекушку. Сосед протянул.

Хотел сказать, что скоро стану отцом, да не сказал ничего.

Сосед все равно промычал: «Угу», как будто бы понял.

День прошел, и вечер наступил.

Я впервые отказал Римме Ивановне.